Сибирская жизнь. Томск, 1910. 2 июля. № 144. С. 2.

Фельетонъ „Сибирск. Жизни".

Литература и писатели.

III.

Чеховскіе дни въ Москвѣ.

Сегодня 2 іюля, исполняется шестая годовщина со дня смерти Антона Павловича Чехова. Снова всплываетъ въ памяти образъ незабвеннаго писателя, снова хочется говорить о немъ...

Мнѣ вспоминаются 17-е и 18-е января текущаго года,—прекрасные, полные значенія чеховскіе дни въ Москвѣ. 17-го января исполнилось, какъ извѣстно, пятидесятилѣтіе со дня рожденія писателя, и Москва, которую покойный такъ любилъ, достойно почтила его память.

...Я всталъ въ этотъ день рано, и въ 9 часовъ утра сидѣлъ уже въ вагонѣ трамвая, направлявшемъ къ Ново-Дѣвичьему монастырю, гдѣ похороненъ Чеховъ.

Былъ прохладный, ясный, славный день,—воскресенье. Въ вагонъ то и дѣло входили новые пассажиры съ свѣжими газетами въ рукахъ, и когда развертывали газеты, то на всѣхъ страницахъ пестрѣло имя Чехова, его автографы, его портреты, воспоминанія и статьи о немъ Мережковскаго, Пожарскаго, Григорія Петрова и др.

Ворота Ново-Дѣвичьяго монастыря были открыты; по кладбищу, межъ могилъ, бродили двѣ монашенки и расчищали тропинки къ могилѣ писателя.

Изъ храма доносилось пѣніе: тамъ шла обѣдня, пѣлъ монастырскій хоръ.

Я прошелъ къ могилѣ и сѣлъ около нее, на скамеечкѣ. До панихиды оставался еще цѣлый часъ, и пока никого, кромѣ меня, здѣсь не было.

Свѣтило солнце, голубѣло небо, [illegible] пробѣгалъ вѣтерокъ по вер[illegible] ценскихъ деревьевъ [illegible] тишь. И хорошо [illegible] ненькая, скром[illegible] ить надъ ней [illegible] ть ста[illegible]

могила отца писателя—Павла Егоровича Чехова.

Подошла монашенка, поправила огонекъ въ лампадкѣ, смахнула снѣгъ съ старыхъ вѣнковъ. А вѣнковъ много, и большихъ, и маленькихъ, съ роскошными лентами и просто съ привязанными веревочкой надписями. И надписи все такія искреннія, задушевныя, трогательныя, что ихъ трудно читать безъ слезъ...

— Скоро панихида,—говоритъ монашенка.—Чай, много народу будетъ. Любитъ покойника—то...

— Любитъ?—не безъ радости спрашиваю я.

— Да ужъ надо полагать, что любятъ. Каждый день кто-нибудь да приходитъ. Больше все студенты и барышни... Сядутъ на скамеечку, и молчатъ, иной разъ плачутъ... Точно родной онъ имъ...

Она крестится и уходитъ. Я остаюсь одинъ, смотрю на могилу и задумываюсь, скорбью наполняется сердце.

Шаги. Голоса. Поднимаю голову и вздрагиваю: по тропинкѣ, впереди, идетъ Иванъ Павловичъ Чеховъ, очень похожій на своего покойнаго брата; за нимъ—вдова писателя Ольга Леон. Книппперъ-Чехова и Марья Павловна Чехова. Черезъ нѣсколько минутъ пріѣзжаютъ артистъ Императорскаго Малаго театра К. В. Бравичъ и директоръ художественнаго театра Вл. Ив. Немировичъ-Данченко. Оба возлагаютъ вѣнки: первый—отъ союза драматическихъ писателей, второй отъ художественнаго театра.

Въ 10 час. утра начинается панихида. Народу, между тѣмъ, все прибываетъ, подходятъ и по одиночкѣ и группами. Пришла группа литераторовъ, среди нихъ беллетристы Бор. Лазаревскій и Бор. Зайцевъ.

Всѣ стоятъ молча, неподвижно и благоговѣйно. Пролетаетъ тихій вѣтерокъ, [illegible] ненная свѣтомъ [illegible] сяй[illegible] Божьи[illegible]

[illegible] ѣзда масса публики, желающей попасть.

Театръ уже полонъ. Прохожу въ фойэ: портретъ Чехова тонетъ въ зелени и цвѣтахъ. Въ зрительномъ залѣ, противъ сцены, на барьерѣ балкона красуется другой портретъ.

Въ ложѣ—братъ и сестра Чехова, въ партерѣ стоитъ только что пріѣхавшій изъ Петербурга Леонидъ Андреевъ въ своей неизмѣнной бархатной тужуркѣ. Въ публикѣ—масса извѣстныхъ профессоровъ, адвокатовъ, писателей, художниковъ, артистовъ. Въ верхнемъ ярусѣ сдержанно гудитъ молодежь, студенты и курсистки почти всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Звонокъ. Другой. Шумъ смолкаетъ. На сцену, изящно и скромно задрапированную и убранную зеленью, выходятъ артистки и артисты; всѣхъ ихъ, особенно О. Л. Книппер, публика горячо привѣтствуетъ единодушными аплодисментами; Книппперъ подносятъ бѣлые цвѣты; въ ней чтутъ на этотъ разъ не столько артистку, сколько жену Чехова.

Вл. И. Немировичъ-Данченко говоритъ вступительное слово. Но прежде онъ предлагаетъ присутствующимъ почтить память писателя вставаніемъ,—всѣ поднимаются, какъ одинъ человѣкъ.

Просто и хорошо, безъ тѣни какого-либо пафоса, говоритъ Немировичъ-Данченко о крѣпкой, неразрывной связи Чехова съ Художественнымъ театромъ, о любви Чехова къ театру, къ искусству, къ людямъ и вообще къ жизни. Какъ сейчасъ, звучатъ у меня въ ушахъ эти теплыя, милыя слова: «Онъ любилъ жизнь, простую, неприкрашенную. По натурѣ онъ былъ далеко не пессимистомъ. Грусть въ его душѣ всегда переплеталась съ радостью, такой же тихой и кроткой, какъ онъ самъ. Онъ горячо любилъ природу, любилъ лѣсъ, поле, степь, ландыши, меланхолическую предесть заката, мягкій свистъ [illegible]ведовъ, тоскливый крикъ совы, [illegible]ютъ простыхъ здоровыхъ людей, [illegible]ный смѣхъ, молодость [illegible]тво, жизнестойкость.

[illegible] рѣчи Немирович[illegible] свои воспоминан[illegible]

очень удачно копировалъ, гдѣ было нужно, бархатистый басокъ Чехова, и вообще читалъ непринужденно, естественно и живо.

Артистами театра были прочитаны: первый актъ «Иванова» и третій «Дяди Вани». Въ программѣ это было названо *чтеніемъ*, но въ дѣйствительности это была та же *игра*, яркая, талантливая, строгая, только безъ обстановки и грима.

Утро закончилось постановкой (въ костюмахъ и гримѣ) двухъ чеховскихъ миніатюръ: «Унтеръ Пришибеевъ» и «Хирургія». Былъ уже пятый часъ, но не хотѣлось уходить...

***

Вечеромъ, въ художественномъ театрѣ въ 116-й разъ шелъ «Вишневый садъ», причемъ на спектаклѣ присутствовала мать писателя Евгенія Яковлевна; а на слѣдующій день состоялся очень интересный чеховскій вечеръ въ университетѣ.

Богословская аудиторія, самая лучшая и обширная въ университетѣ, далеко не вмѣстила всѣхъ, желающихъ попасть на этотъ вечеръ. Особенно много было учащейся молодежи; сотни студентовъ и курсистокъ толпились въ коридорахъ, на лѣстницѣ, вестибюлѣ и даже за оградой.

На вечерѣ присутствовали родственники писателя, а, тисты художественнаго театра, профессора, писатели: Н. Н. Златовратскій, И. А. Бунинъ, Борисъ Зайцевъ, Ол. И. Айхенвальдъ и др.

Первую рѣчь произнесъ проф. А. Н. Веселовскій; онъ говорилъ о томъ, что напрасно многіе считаютъ Чехова пессимистомъ, что онъ вовсе имъ не былъ, что онъ горячо любилъ природу и людей и страстно вѣрилъ въ науку, въ прогрессъ, въ лучшую жизнь на землѣ.

Затѣмъ говорилъ приватъ-доцентъ по каѳедрѣ русской литературы, графъ Ф. Г. Де-ла-Барть. Онъ отмѣтилъ поворотъ въ симпатіяхъ читающей публики отъ сомнарнаго творчества послѣднихъ лѣтъ къ прежнимъ здоровымъ литерат[illegible]рнымъ традиціямъ и непоколебимую [illegible]юбовь къ Чехову, какъ къ нибол[illegible] талантливому представителе[illegible]его и одухотворен-

Артистъ Худож. театра И. М. Москвинъ съ неподражаемымъ юморомъ прочелъ два чеховскихъ разсказа.

Артистъ театра Неалобина В. В. Максимовъ, подъ аккомпаниментъ сестеръ Любошицъ на скрипкахъ и віолончели, прочелъ «Элегію на смерть Чехова».

Второе отдѣленіе открылось пѣніемъ артистки Большого театра Н. В. Салиной.

Затѣмъ читали: арт. Худож. театра В. И. Качаловъ, И. А. Бунинъ, Бор. Лазаревскій и др.

Вечеръ затянулся почти до второго часа ночи. Но не было скучно. Властно царило опредѣленное, хорошее настроеніе. Чувствовалась искренность во всемъ, что читалось и говорилось...

***

На слѣдующій день Москва вступила въ кругъ обычныхъ, будничныхъ переживаній. Но въ окнахъ книжныхъ и бумажныхъ магазиновъ долго еще глядѣли на улицу безчисленные портреты Чехова; бойко, на расхватъ, раскупались медальоны съ его миніатюрнымъ портретомъ, открытки, посвященныя его памяти... И не прекращалось паломничество на его могилу, всю засыпанную въ эти дни вѣнками, цвѣтами, милыми надписями на атласныхъ лентахъ, на лоскуткахъ бѣлаго коленкора и просто на бумажкахъ...

Да, вотъ уже шесть лѣтъ прошло со дня смерти Антона Павловича, а память о немъ еще такъ ярка, такъ свѣжа, какъ будто онъ умеръ только вчера. И, кого ни спросишь, всѣ его любятъ, всѣ его перечитываютъ...

И, стоя у его могилы, надъ которой плыветъ монастырскій звонъ и вѣютъ старыя липы, хочется благоговѣйно обнажить голову и склонить колѣни,—здѣсь спитъ Чеховъ...

—Спи-же съ миромъ, одинокій!
Зори новыя встаютъ...
Безъ тебя имъ, братъ далекій,
Люди пѣсню пропоютъ.
—Спи, безвременно почившій!
Тѣни таютъ въ полумглѣ...
Спи, любимый, всѣ простившій,
Все понявшій на землѣ.

Г. В[illegible]нинъ.